

Три находки из Уструшанского замка Мык.

Леонид Сверчков

Sanat • 01/01/2000 • Выпуск №1 • 17

http://sanat.orexca.com/2000-rus/2000-1-2/leonid_sverchkov/

В труднодоступном горном ущелье в 50 км к югу от г.Замина Джизакской области расположено средневековое поселение Мык или Муг, состоящее из верхнего (VII-VIII вв.) и нижнего (IX – середина XII вв.) замков и прилегающей округи, занимающие территорию по обе стороны Еттике-чусая. Мало кто предполагал, что раскопки нижнего, каменного замка позволят получить прекрасную коллекцию самых разнообразных предметов.

Как удалось установить, в результате междоусобных войн двух ветвей Караханидского правящего рода в первой половине XI в., где-то в интервале между 1028 и 1035 гг., замок Мык был уничтожен. Захват замка и разрушение его, сопровождавшиеся грандиозным пожаром, были столь внезапны, что остались невостребованными многие ценные вещи, в том числе тщательно упрятанный клад “черных” дирхемов. Археологические находки в зависимости от долговечности материала могли быть изготовлены в конце X – начале XI в., но, разумеется, не позже 1028 г.

Из множества предметов мы выбрали три – серебряный браслет как образец мастерства средневековых ювелиров и два музыкальных инструмента, что отчасти позволит воссоздать с точки зрения археологии и, может быть, даже как-то оживить бытовые сцены тысячелетней давности.

Один из инструментов – флейта. Она найдена на полу помещения, выполнявшего функцию замковой кладовой. Корпус флейты (длина 27 см) сделан из кости аиста, а вкладыш – пищик (длина 9,6 см) изготовлен из продольно распиленной кости животного, сегментовидной в сечении (ширина 1 см). По всей поверхности флейты просматриваются следы поперечной шлифовки небольшим напильником с мелкой насечкой. Расстояние между отверстиями и бока украшены грубо процарапанными хаотичными ломаными линиями, то как бы имитирующими надпись, то, на отдельных участках, составляющими сомкнутые ряды ромбов. Отверстий у флейты шесть: одно (6 мм) – на раструбе, пять (5 мм) – отстоят друг от друга неравномерно. На сломанном участке, возможно, было еще одно отверстие.

Изготовление музыкальных инструментов скорее всего требовало соблюдения определенных стандартов, иначе трудно объяснить несомненное внешнее сходство флейт из уструшанского замка Мык и с городища Алтынтепе в Кеше (1). Там инструмент тоже сделан из кости птицы и датируется X-XI вв. очень похожий

фрагмент флейты (вероятно, из столицы Уструшаны – городища Шах-ристан) представлен в экспозиции музея Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана. Также в Уструшане при раскопках замка Чильхуджа была найдена часть флейты (ная), только изготовленной из камыша (2). Датируется VII – началом VIII в., как и три целые тростниковые флейты из Папского могильника в Наманганской области, которые имеют по шесть отверстий-клапанов (3).

Как свидетельствуют археологические материалы, первые флейты в регионе появились уже в III-II вв. до н.э.: костяная – из Старого Термеза и деревянная – из Ай-Ханум (4). Однако вполне может быть, что возникновение некоего прообраза данного вида восходит к эпохе бронзы. При раскопках андроновского погребения в кишлаке Муминабад Ургутского района Самаркандской области был найден своеобразный музыкальный инструмент – костяная трубочка длиной всего 4,2 см с одним отверстием посередине, напоминающая больше обычный свисток, но, тем не менее, представляющая интерес для изучения генезиса аэрофонов (5).

К группе ударных инструментов относится сложносоставное изделие из шести пар бронзовых (вернее, латунных) дисков, нанизанных на коленчатый железный стержень. Этот инструмент обнаружен возле флейты в том же помещении на полу под завалом: диски были сцеплены попарно и изолированы друг от друга деревянными прокладками, о чем можно судить по древесному тлену на тех частях стержня, которые не были скрыты внутри дисков. Благодаря удачным условиям залегания отчасти удалось реконструировать облик изделия. Верхними были самые крупные диски 1 диаметром 7,4 см (а) и 7,7 см (б), затем диаметр каждой последующей пары уменьшался, составляя у последней, шестой, 4,8 см. Символы “а” и “б” на рисунке означают место положения диска в паре: “а” – верхний, “б” – нижний, причем оба подвижны относительно друг друга. Не вполне понятно назначение двух маленьких отверстий в верхнем диске 1а и нижнего колена стержня, напоминающего черенок; похоже, предмет имел рукоять и в то же время мог подвешиваться.

Что-то отдаленно напоминающее мыкскую находку имеется на территории современного Китая – те же пары разнозвучащих тарелок, только намного более крупных и расположенных вокруг музыканта. Таким образом, прямые аналоги мыкского средневекового уникала отсутствуют, но во всяком случае хотя бы угадывается направление, в котором следует осуществлять поиски, особенно в Восточном Туркестане – месте сложения и исхода Караханидского каганата.

С приходом к власти в Мавераннахре новой династии связано широкое распространение браслетов определенного типа. Среди них мыкский серебряный браслет весом 73,9 г. Он был найден не в составе клада, а просто на полу в углу восточной башни замка. Изготовлен из четырех свитых в жгут полос металла, образующих наклонные гофры, разделенные сканью. Размеры: 7×5,8 см снаружи; 5,5

х 4,4 см изнутри. Диаметр сечения 1 см, которое к концам утончается до 7 мм. Последние разомкнуты, расстояние между ними 1,9 см, оформлены в виде стилизованных голов и украшены сканью. Стык свитых полос и зооморфных наверший обвит цепочкой скани в десять рядов. Концы браслета слегка вытянуты и орнаментированы сканью цепочкой в виде трех сомкнутых петель, из которых две боковые вытянуты вверх, а средняя – вниз. В последнюю помещен маленький кружок. На место стыка боковых петель посажен второй кружок. Он соприкасается в верхней части с симметрично расположенными завитками, образованными спиралевидно закрученными цепочками скани. Последний, внешний виток переходит в вышеописанные боковые петли; над спиралевидными кругами на каждом навершии браслета помещен еще один маленький кружок. Судя по небольшим углублениям, подчеркнутым сканью, здесь могли быть когда-то вставки драгоценных или полудрагоценных камней. При обнаружении браслет был частично покрыт окисью зеленого цвета из-за примеси меди. Добавка меди в серебро увеличивает твердость, а следовательно, износостойчивость предмета.

Браслеты данного типа встречаются на всей территории Мавераннахра, особенно на северо-восточной его окраине – в Чаче, Илаке, Таласской и Чуйской долинах, причем почти все – в составе кладов. Первый среди подобных был найден еще в 1884 г. в селении Сайрам под Чимкентом вместе с караханидскими монетами (XI или XII вв.). В 1900 г. почти там же обнаружили клад из семи серебряных браслетов и дирхемов, чеканенных в интервале между 951-1040 гг. (6). В 1959 г. два крупных браслета весом 111,2 г и 134,9 г найдены в г. Чиназе Ташкентской области. Прежде подобные находки уже были сделаны в Чиназе, как и вообще в Чаче, а также в Чуйской долине Кыргызстана, Казахстане и даже в могильниках Кавказа (7). По мере развертывания археологических работ увеличилось количество сообщений об обнаружении идентичных браслетов в Ташкентской области: в Сиджаке, на правом берегу р. Пскем (Чач), вместе с монетами XI-XII вв.; на городище Дукент в долине р. Ахангаран (Илак) два браслета весом 110 г и 30,34 г (8).

С полным на то основанием все браслеты датируются в пределах X-XI вв. и считаются местной продукцией, связанной с грандиозной сырьевой базой – знаменитыми серебряными рудниками в Илаке (7). Отток указанных изделий и концентрация их на границах с кочевой степью четко отражают рыночные тенденции, заключавшиеся в повышенном спросе на данную продукцию в качестве и просто украшений, и, что существеннее, помещения капитала (в пользу мнения о помещении капитала свидетельствует факт отсутствия бронзовых копий витых браслетов). В этом плане очень показателен пример Чиназа (Чинанчекета), где происходила оживленная торговля с кочевниками – самым обширным и “благодарным” рынком сбыта городской ремесленной продукции. В дальнейшем распространение браслетов данного типа могло осуществляться самым причудливым, но вполне закономерным образом, на что указывает география кладов дирхемов, чеканенных в Мавераннахре. В музеях Западной Европы наверняка имеются серебряные витые браслеты чач-илакского производства.

Происхождение украшений такого вида Д. Вархотова, например, связывает с материалами из скифского царского кургана Куль-Оба IV-III вв. до н.э., где есть браслеты с навершиями в виде фигурок сфинксов или животных, хотя в нашем случае изображены, как полагает автор, змеи, что само по себе несколько странно для скифской среды. Кстати сказать, спиралевидные завитки по бокам голов “змей” напоминают обычные рога, отчего сами навершия приобретают форму стилизованных голов баранов, что намного больше соответствует сарматским традициям Ташкентского оазиса, как, впрочем, и тюркским представлениям о благополучии и богатстве.

Знаменательно, что появление таких браслетов хронологически совпадает с важной и переломной вехой средневековой истории Центральной Азии – кардинальной сменой правящей династии Саманидов Караханидами. В условиях своеобразного междоусобия и в первые годы утверждения политического господства Караханидов происходили довольно любопытные явления. В частности, именно в Илаке в 382-399 гг. (992/ 93-1008/09 гг.) чеканились фельсы дихканов Илака, сюзеренами которых, разумеется, были члены Караханидской династии (9). Сам факт появления на монетах титула представителей домусульманского правящего сословия воспринимается как некий анахронизм, ведь, казалось бы, в условиях централизованного государства Саманидов подобные пережитки должны были совершенно исчезнуть. Хочется напомнить и об одном археологическом феномене – очередном возрождении и повсеместном распространении лепной расписной керамики так называемого “псевдо-трипольского” типа, особенно популярной в горных областях: Илаке и Уструшане. Вероятно, в появлении архаичной керамики и витых серебряных браслетов на рубеже X-XI вв. можно уследить глубинные домусульманские традиции в переходный период сложения и становления нового, Караханидского государства.

Литература:

1. Вызго Т.С., Лунина СБ. Музыкальный инструмент из Алтынтепа//ОНу. 1978. № 5. С. 51-54.
2. Пулатов У.П. Чильхуджра. Душанбе, 1975. С. 106. Рис. 53,2.
3. Matbabaev Ch. Bolddzon. Frahmittelalterliche Grabstätten in nordlichen Fergana Tal (Uzbekistan). // Archaeologische mitteilungen uns Iran und Turan. 1998. Band 30. Berlin, 1998. С 295, рис. 24.
4. Мешкерис В.А. Музыкальная культура древней Средней Азии и ее наследие // Изучение культурного наследия Востока. Материалы Международной конференции в Санкт-Петербурге (23-25 ноября 1999 г.). СПб., 1999. С. 148.
5. Аскарлов А. А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 58, рис.2, 5. С. 62.

6. Лунин Б.В. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по архивным данным) //ИМКУ. Вып. Ташкент, 1969. С. 179, рис. 1; с. 180, 181, рис. 2.

7. Вархотова Д.П. Два серебряных браслета X-XI вв. из Чиназа // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 116-119.

8. Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975. С. 51; 154-155.

9. Давидович Е.А. О монетах диканов Илака конца X – начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н.Федоровым) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура), М., 1978. С. 80-100.